

Стали жить въ Белеградѣ два нѣмецкіе намѣстника и стали судъ надъ людьми творить не по древнимъ славянскимъ обычаямъ, а по нѣмецкимъ законамъ, никому невѣдомымъ и непривычнымъ.

Какъ избавились Нѣмцы отъ Ростислава, что былъ другомъ Мееодію, то принялись Мееодія губить. Съѣхались нѣмецкіе епископы въ Паннонію будто на совѣтъ, позвали Мееодія. Онъ къ нимъ не захотѣлъ идти, тогда одинъ епископъ нѣмецкій пошелъ въ домъ къ Мееодію и сталъ его звать съизнова: «приходи, у насъ соборъ, о важныхъ дѣлахъ разсуждаемъ.» Мееодій отвѣтилъ словами изъ псалма Давидова: *не сяду въ советъ злыхъ и со злодѣями не пребуду.* Епископъ нѣмецкій закричалъ: «иди, говорю тебѣ добромъ, не то—бить тебя стану.» Мееодій отвѣтилъ: «Какъ ты можешь мнѣ такія слова говорить, я такой же епископъ, какъ ты.» «А вотъ какъ», закричалъ опять Нѣмецъ: схватилъ Мееодія за руки и поволокъ вонъ изъ дому. Нѣмецъ былъ высокій, здоровый, а Мееодій былъ слабъ тѣломъ и кротокъ душею, и не могъ отъ него отбиться. Думалъ Мееодій: «звѣрь обороняется, когда его берутъ, людямъ же Христосъ сказалъ: *не противитися злу: но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мѣ. гл. 5, 39).

Явились на соборъ оба епископа и стали всѣ Нѣмцы Мееодія упрекать: «зачѣмъ ты служишь въ нашей области?» Мееодій отвѣчалъ: «Эта область не ваша; меня въ ней поставилъ епископомъ папа римскій; берегитесь о каменную гору головами биться, горы не ломаете, а головы свои теряете.» Нѣмцы на Мееодія крикнули: «берегись ты противъ насъ идти.» Мееодій обвелъ глазами кругомъ себя, потомъ взглянулъ на небо, и свѣтъ сдѣлался его ликъ,—сказалъ Мееодій: «Я васъ не боюсь, я правду вамъ сказалъ, я и царямъ всегда правду говорилъ, и не мнѣ первому, не мнѣ и послѣднему приходится страдать правды ради. Дѣлайте со мною что хотите: не лучше я тѣхъ многихъ, что мучены были и смерть принимали за единую правую вѣру.»

Тогда нѣмецкіе епископы стали кричать еще громче, такъ что нельзя было понять, кто что говоритъ; потомъ всѣ встали съ мѣстъ своихъ и обступили Мееодія. Мееодій началъ просить старшаго изъ епископовъ, Ганнона: «Пустите меня въ Римъ, пусть папа Адріанъ меня осудить, если я въ чемъ провинился; онъ меня поставилъ и кромѣ его никто не можетъ меня моего мѣста лишить.» Ганнонъ отвѣтилъ ему: «нѣтъ, не пустимъ тебя», и приказалъ другимъ Нѣмцамъ связать Мееодія.

И заковали Нѣмцы Мееодія въ цѣпи, и завезли его въ нѣмецкую землю,—заперли въ темницу. Тамъ всячески надъ нимъ издѣвались, злобу свою дьявольскую показывали: ѣсть не давали они святому по нѣскольку дней;